

УДК 37.018.324:316.614:84(476.5)«1925»

**ДЕТСКИЙ ДОМ КАК ОСНОВНОЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ-СИРОТ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ: ОПЫТ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ***канд. пед. наук, доц. Е.Н. БУСЕЛ-КУЧИНСКАЯ**(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)*

Рассматривается история детских домов на Витебщине в первые послереволюционные годы. В начале 1920-х годов детский дом выступал основным «рассадником» коммунистического воспитания и наиболее приемлемой формой жизнеустройства детей региона (беспризорных, лишившихся одного или обоих родителей, а также детей, прибывших из голодающих районов Поволжья). Однако к середине 1920-х годов теоретики и практики новаторской педагогики вновь обратились к семейным формам воспитания (социализации) вследствие нерешенных материально-финансовых и организационных вопросов в государственных учреждениях интернатного типа.

Ключевые слова: *Витебская губерния, регион, социализация, детский дом, дети-сироты, патронат.*

Введение. Понятие «социализация» многоаспектно. В наиболее обобщенном смысле социализацию можно рассматривать как процесс, условие и результат интеграции индивида в социальную среду. Сущность данного явления как социально-педагогической категории невозможно постичь без изучения ее агентов (субъектов), факторов и механизмов. Цели социализации детерминированы культурно-историческими условиями, в которых функционирует отдельный индивид как член конкретного общества. Эти условия неоднозначны и изменчивы. На протяжении XX – начала XXI вв. векторы основных институтов социализации формирующейся личности смещались с традиционно-семейного к общественно-государственному и наоборот.

Как известно, история дает нам возможность исследовать опыт прошлого, чтобы почерпнуть из него знания для решения проблем современности и не совершать подобных ошибок в будущем. В настоящее время в педагогике актуальными остаются вопросы социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. На современном этапе развития общества и государства предпочтительными формами воспитания и содержания несовершеннолетних, лишившихся родительской опеки, являются семейные. Однако в начале XX в. поднимался вопрос о всеобщем коллективном воспитании советских детей в учреждениях интернатного типа – детских домах. Следовательно, детский дом рассматривался как ведущий институт социализации. Цель нашего исследования – изучить состояние детских домов Витебщины в первой половине 1920-х годов, что позволит сформировать более целостное представление об истории и трансформации основных институтов социализации советского государства исследуемого периода в целом и на белорусских землях в частности.

Основная часть. Теоретическая база исследования строится преимущественно на анализе материалов, содержащихся в фондах Государственного архива Витебской области (далее – ГАВТО). Реализованы общелогические и исторические методы исследования.

История детских домов Витебщины довольно длительная. Документальные упоминания о сиротских учреждениях региона, находящихся в ведомстве государственных (религиозных) или общественных органов, а также на попечении частных лиц, относятся к началу XIX в. После событий Октябрьской революции 1917 г. детский дом стал массовым явлением и был объявлен не просто основной формой государственного устройства детей-сирот, но и «рассадником» коммунистического воспитания. Нами исследована практика социального воспитания на западных рубежах РСФСР в 1920-е годы на примере Петрограда и Витебской губернии [1]. Безусловно, во времена «перемен и ломки устоявшихся традиций» [1, с. 68] площадкой для педагогических экспериментов выступали крупные города как мощные культурные и педагогические центры государства. Так, в Петрограде были организованы знаменитые ШКИД под руководством В.Н. Сорока-Росинского, а также колония «Красные Зори», созданная В.И. Иониным. Практика Витебщины выглядела скромнее. Заметим, что в детских домах региона содержались не только круглые сироты и беспризорники, но и дети, чьи родители (как правило, единственный) добровольно отдали их на государственное воспитание [1, с. 66]. В числе первых учреждений нового типа для детей стала Полоцкая школа-коммуна, основанная в 1919 г. И.И. Вацетисом. В Полоцке учреждение просуществовало совсем недолго. Предположительно, в 1920 г. школу-коммуну вместе с воспитанниками и педагогическим составом эвакуировали в город Невель Витебской губернии [1, с. 68]. Пару лет спустя в двух верстах от города, в бывшем Гагринском имении, открылся Детский приют имени Мировой революции. В отчетах 1923 г. он уже именовался Гагринским детским домом и был представлен как образец учреждения социального воспитания [2, д. 204, л. 74 об.]. Детский дом занимал 3 десятины земли и включал 2 корпуса, прачечную и баню. В одном из корпусов размещался интернат, в другом – хозяйственные помещения. Заведовала домом некая Бородич «с пансионным образованием и стажем работы 9 лет». Также на службе состояли «2 опытные воспитательницы», имевшие стаж работы 20 и 8 лет соответственно, и 5 человек обслуживающего персонала. На попечении детского дома находилось 60 детей в возрасте

от 2 до 9 лет, в т.ч. 4 «дефективных» ребенка – «2 рахитика и 2 умственно отсталых». С детьми школьного возраста (таковых было 12) проводились занятия по школьной программе. Все без исключения занимались пением и физкультурой. Коллектив воспитанников детского дома, следуя принципам самоуправления, строго придерживался распорядка дня: подъем в 9.00, в 10.00 – легкий завтрак, с 10.00 до 14.00 – занятия и игры, с 14.00 до 17.00 – обед, прогулка и отдых, с 17.00 до 20.00 – повторительные занятия, в 20.00 – ужин. Инспектор В.С. Щевелев подчеркивал, что на момент обследования детский дом содержался в идеальном порядке: в спальнях соблюдался режим проветривания, постели были опрятными и чистыми, а дети, аккуратно одетые, «держали себя непринужденно и весело» [2, д. 204, л. 74 об.].

Мы можем предполагать, что Гагринский детский дом находился на особом счету и, следовательно, не испытывал тех финансовых и материально-технических затруднений, которые были характерны для системы социального воспитания в указанный период времени. Например, в соседнем Себежском уезде Витебской губернии Харлаповский детский дом, также размещенный в барской усадьбе, представлял собой «образец скверного приюта» [2, д. 204, л. 74 об.]. В условиях тесноты, скученности, недостатка спальных мест, отсутствия элементарных санитарно-гигиенических средств и должной медицинской помощи дети массово болели педикулезом, чесоткой и прочими инфекционными заболеваниями, никакая воспитательная работа с ними не проводилась. Анализ архивных материалов позволяет сделать выводы, что в сложившихся условиях относительный порядок в делах детского дома во многом определялся личной инициативой руководителя, его добросовестным и даже самоотверженным отношением к делу. Например, в 1920-е годы в Лепельском уезде функционировала Михайловская трудовая колония для польских детей (первое упоминание датируется декабрем 1922 г.) [2, д. 331, л. 1; д. 84]. К сожалению, не сохранилось сведений ни о количестве подопечных, ни о персонале колонии. Исходя из материалов дела, назначенный в начале 1923 г. заведующий за счет собственных средств привел санитарно-бытовые условия в надлежащее состояние, вылечил детей («выведена нечистота ... среди детей вылечена чесотка») и открыл столярно-плотницкие мастерские [2, д. 331, л. 11]. Однако в указанные годы удовлетворительное санитарно-бытовое состояние учреждений социального воспитания было скорее исключением, нежели чем правилом.

В отдельных случаях сравнительно благополучно была налажена воспитательная работа. Например, в двух верстах от Орши на территории бывшего монастырского комплекса располагался детский городок, в котором проживали около 200 детей. Детям также не хватало кухонной посуды, мебели, постельного белья, одежды и обуви. Под детские спальни были отведены «грязные, неудобные и неприветливые кельи». Но школа и музей детских работ располагались в светлых и просторных помещениях. Экспозиция детского творчества, по словам проверяющего, «рисовала полную картину развития питомцев, выявляла работу школы, раскрывала глубину и содержание интереса детей». Экспонатами музея служили рисунки, предметы рукоделия, коллекция камней, цветов и растений, а также графический материал – все это было создано самими детьми. При доме имелись сапожная и слесарная мастерские, было налажено самообслуживание [2, д. 102, л. 6–95; д. 117, л. 1].

В 1920-е годы учреждения социального воспитания региона принимали детей из голодающих районов Поволжья, массово прибывающих в Витебскую губернию. По прибытии дети направлялись в дом-приемник, находившийся в районе Марковщины города Витебска. Здание приемника, требующее небольшого ремонта, занимало помещение рабочего барака и централизованно отапливалось от местной ГЭЦ, что было позитивным моментом в организации быта (как правило, большинство учреждений имело печное отопление). Для детей отводилось 3 комнаты, включая изолятор, спальню и столовую. В доме работали 8 человек персонала, в т.ч. врач и сестра милосердия. Прибывших детей «сортировали»: относительно здоровых направляли в детские дома, «дефективных» – на соответствующую комиссию, больных помещали в лазарет. К несчастью, смертность детей Поволжья была очень высокой. Например, из 492 несовершеннолетних, прибывших 11 января 1922 г. в Витебск, 19 детей умерли еще в поезде, 17 – в лазарете в течение месяца [2, д. 221, л. 34–34 об.].

Дети Поволжья передавались на патронирование частным лицам. Согласно правилам частного патроната, выработанным Наркомпросом РСФСР в 1921 г., на это требовалось согласие родителей, опекунов или ближайших родственников ребенка, не достигшего 14 лет, либо согласие самого опекаемого, достигшего 14-летнего возраста. На каждого подопечного заводилась специальная книга. Граждане, изъявившие желание взять на иждивение одного или нескольких детей, заполняли 2 анкеты; одна из них оставалась в уездном отделе народного образования, другая отсылалась в губернский. Лица, занимающиеся кустарничеством или торговлей, получить детей не могли [2, д. 211, л. 48]. Частное лицо в отношении опекаемого становилось его временным опекуном. Наблюдение за патронатной семьей осуществлял школьный работник – «коллективный опекун». В его поле зрения могло находиться до 20 несовершеннолетних, которых он обязывался раз в неделю посетить на дому и сделать отметки в книге подопечного. В случае невыполнения частным лицом опекунских обязанностей назначался новый опекун из числа педагогов или «других подходящих лиц» [2, д. 211, л. 51]. К сожалению, обострение финансового и продовольственного кризиса вынуждало опекунов возвращать детей в учреждения социального воспитания. Должностные лица были встревожены нелюбимым явлением: крестьяне, приняв ребенка на

лето, использовали его в качестве бесплатной рабочей силы, а зимой отвозили в Витебск и оставляли на улице. Брошенные дети пополняли ряды беспризорников [2, д. 221, лл. 50, 74]. Впоследствии они могли передаваться на общественный патронат, который предполагал их устройство в совхозы, коммуны и артели [2, д. 221, л. 49].

Для детей Поволжья на Витебщине также был открыт ряд специализированных домов. Например, в 1921 г. в Витебском уезде располагалось 2 таких дома с 903 воспитанниками [3, д. 124, л. 99]. В основном в них содержались дети дошкольного возраста 3–7 лет, которых сложнее было передать на патронат [2, д. 209, л. 68]. К 1922 г. известно о сети подобных учреждений, размещенных в Витебском, Велижском, Городокском, Оршанском, Полоцком и Сенненском уездах. Сохранился отчет директора 7-го Интерната детей Поволжья Витебского уезда. В интернате в атмосфере заботы и поддержки воспитывалось 27 детей 5–11 лет. Как подчеркивалось в документе, «... все, начиная от воспитательницы и кончая няней, к детям относятся с любовью, просто, ласково и сердечно» [2, д. 222, л. 13 об.]. Большинство детей имело ослабленное здоровье и нуждалось особым уходом. Для этого в детском доме был предусмотрен щадящий режим сна и отдыха (дети могли спать с 9 часов вечера и до 10 часов утра) и четырехразовое питание. Воспитание и обучение основывалась на принципах природосообразности и индивидуального подхода. С 10.30 и до 14.00 с детьми школьного возраста проводились занятия, включая изучение азбуки, чтение, письмо, арифметику и др. Дошкольники рисовали, лепили из глины, раскрашивали картинки, вырезали и занимались рукоделием. После обеда организовывались подвижные игры и пение. Ближе к вечеру воспитанникам читались либо пересказывались сказки и рассказы. В интернате было налажено самообслуживание, здоровые дети ежедневно дежурили в столовой и спальне [2, д. 222, л. 13–13 об.].

Вопреки принимаемым государственными органами мерам (отчисления из жалования в пользу детей Поволжья, кружечные сборы, увеличение налогообложения и т.п.) средств на их содержание, а также хозяйственные расходы было недостаточно, о чем регулярно констатировали служащие детских домов в своих отчетах [2, д. 209, л. 68; 3, д. 222, л. 152]. В фондах ГАВТО хранится печальное письмо воспитанников Лиозненского детского дома детей Поволжья, адресованное Омской дивизии, штаб которой в 1922 г. размещался в Витебске: «Мы, нижеподписавшиеся дети Поволжья, находящиеся в Лиозненском детском доме, просим вас прийти к нам на помощь и вывести из бедственного положения, в котором мы находимся... Наш детдом находится в ... разоренном помещении. Местная власть нам на помощь не идет. С наступлением зимы мы все погибнем от холода и голода, если положение наше не улучшится. Еще раз просим Омскую дивизию оказать нам помощь и перевести нас в Оршу, где бы нас поместили в мастерские» [2, д. 220, л. 48–48 об.]. С 1 октября 1922 г. в общегосударственном масштабе началась реэвакуация детей [4, № 9, с. 4], однако в Витебской губернии по тем или иным причинам кампания растянулась на несколько лет [5, с. 153–154].

Недостатки деятельности детских домов без прикрас описывались в отчетах должных лиц, возглавлявших отделы народного образования. Так, заведующий губоно А.Х. Базаревич с сожалением констатировал: «И это не является виной руководителей, перегруженных сверх всякой меры ... работой, а [следствием] крайне сумбурной системы...» [2, д. 117, л. 8]. На конференциях, организованных для руководителей детских домов, предпринимались попытки выработать коллективный план действий по разрешению имеющихся проблем. Вносились предложения увеличить численность педагогического персонала, а его переподготовку осуществлять на курсах-конференциях длительностью в 1 месяц. В конце концов было принято решение разгрузить детские дома, оставив в них не более 60 воспитанников на одно учреждение, а в самом здании освободить помещения под изолятор, столовую, зал и комнату для занятий с детьми [2, д. 94, л. 121]. С наступлением 1923–24 учебного года все расходы на содержание детских домов губернии были переведены на средства местных (уездных) бюджетов. В детских домах Витебщины прошли «зачистки» по социальному составу, основная часть детей была возвращена одному из родителей либо родственникам. На начало 1924 г. в детских домах региона воспитывалось около 1000 детей, тогда как тремя годами ранее, в 1921, эта цифра составляла более 4000, а общее количество самих учреждений было 44 [2, д. 199, л. 7].

Заключение. Новаторская идея о воспитании советских детей в домах-коммунах, изолированных от сферы влияния индивидуалистической семьи «старой формации», оказалась очередной утопией. Уже к середине 1920-х годов стало очевидным, что государство не в силах воспитать подрастающее поколение в детских домах, а «... самое большое, что оно может и должно сделать... это создать необходимую сеть домов для беспризорных детей» [4, № 21, с. 5]. Впоследствии от идеи детского дома как главной альтернативы семейному воспитанию отказались вовсе, базируясь на тезисе, что «самый тип детских домов в том виде, как они существовали, перестал соответствовать потребностям момента» [6, с. 107]. На примере Витебской губернии нами отслежена история создания и функционирования сети детских домов. Главными недостатками детского дома как основной формы жизнеобеспечения и института социализации детей-сирот были, прежде всего, нерешенные материально-финансовые и организационные проблемы: отсутствие материальной базы, скудное финансирование, неподготовленность персонала. В отношении голодающих детей Поволжья, массово прибывающих в Витебскую губернию с 1921 г., был организован общественный и индивидуальный патронат, однако и он оказался малоэффективен

вследствие недобросовестного исполнения опекунами своих обязанностей. Несмотря на ряд недостатков, в указанные годы в общегосударственном масштабе была заложена система государственной защиты осиротевших детей, отдельные стороны которой в той или иной форме функционируют и в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бусел-Кучинская, Е.Н. Практика социального воспитания детей в РСФСР в 1920-е годы: опыт Петрограда и Витебской губернии / Н.М. Федорова, Е.Н. Бусел-Кучинская, Е.Л. Михайлова // Весн. ВДУ. – 2021. – № 2 (111). – С. 67–71.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВТО). – Ф. 246. Отдел народного образования исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Витебский губоно). Оп. 1. Д. 204, 102, 117, 331, 84, 221, 211, 209, 222, 220, 117, 199, 94.
3. ГАВТО. – Ф. 221. Отдел народного образования исполнительного комитета Витебского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Витебск, Витебской губернии РСФСР. Оп.1. Д.124, 222.
4. Еженедельник народного комиссариата просвещения. – 1923. – №№ 9; 21.
5. Ромашко, И. Дети Поволжья в Полоцком уезде 1921–1924 годы / И. Ромашко // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф., Пинск, 20–21 дек. 2019 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; редкол.: К.К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2019. – Вып. 4. – С. 149–155.
6. XV лет диктатуры пролетариата. Экономико-статистический сборник по гор. Ленинграду и Ленинградской обл. – Ленинград : Изд. облисполкома и Ленсовета, 1932. – [213] с.

Поступила 19.10.2021

**CHILDREN'S HOUSE AS THE BASIC INSTITUTE OF SOCIALIZATION OF ORPHAN CHILDREN
IN THE FIRST HALF OF THE 1920s: THE EXPERIENCE OF THE VITEBSK PROVINCE**

E. BUSEL-KUCHINSKAYA

The article is devoted to the history of orphanages in the Vitebsk region in the first post-revolutionary years. In the early 1920s, the orphanage was the main "hotbed" of communist education and the most acceptable form of life for the children of the region (homeless children who lost one or both parents, as well as children who arrived from the starving regions of the Volga region). However, by the mid-1920s, theorists and practitioners of innovative pedagogy again turned to family forms of upbringing (socialization) due to unresolved material, financial and organizational issues in state boarding-type institutions.

Keywords: *Vitebsk province, region, socialization, orphanage, orphans, patronage.*